

¹⁰ Онуки М. Исторические особенности формирования монгольской народности. Монгору кэн-кю. № 6. Осака. 1983. С. 18 (на монг. яз.).

¹¹ Фурсов А. И. Указ. раб. С. 6, 9.

¹² Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987. С. 76.

¹³ Роломжав Б. Краткая история земледелия в МНР // Исторические исследования. Т. XX. Вып. 1. Улан-Батор, 1986. С. 37 (на монг. яз.).

¹⁴ Крадин Н. Н. Указ. раб. С. 55—64, 69—70.

¹⁵ Подробнее см.: Батнасан Г. Краткий очерк изучения порядка кочевания скотоводов, выпасавших стада, принадлежащие казне Ламын-гэгэна и его монастыря // Этнографические исследования. Т. 4. Вып. 3. Улан-Батор, 1969. С. 32—35 (на монг. яз.). Оценку этой работы см.: Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости. М., 1979. С. 48—49.

¹⁶ Грайворонский В. В. Указ. раб. С. 46.

¹⁷ Гипотеза о том, что подобный правовой облик института феодальной земельной собственности в принципе присущ кочевым обществам, высказана Г. А. Федоровым-Давыдовым. См.: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // Вопр. истории. 1976. № 8. С. 39—48. Это предположение нуждается, конечно, во всесторонней проверке и осмыслении, но все же, на наш взгляд, оно не лишено оснований, поскольку подобная земельно-правовая монополия Ламын-гэгэна имела вполне конкретную экономическую реализацию в виде налогов и повинностей, которыми экономически самостоятельные шабинарские хозяйства были обложены казной хутухты.

¹⁸ Подробнее см.: Майдар Д., Турчин П., Сайн-эр Д. Градостроительство МНР. Улан-Батор, 1983. С. 44.

¹⁹ Нацагдорж Ш. История живет в современности // Монголия. 1988. № 9. С. 22.

НАРОДЫ СССР

© 1991 г. СЭ, № 5

А. Б. Дз а д з и е в. Социально-этническая структура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1990. 96 с.

В последние годы в числе причин серьезных упущений в сфере национального строительства и межнациональных отношений называется и «податливо-угодническая» позиция ученых-обществоведов, которые не давали четкой характеристики общественных и национальных процессов, не занимались обобщением и анализом статистических материалов. Многие факты национальных отношений фальсифицировались. В самом деле, одни названия работ, выходивших совсем еще недавно, говорят о многом: «Великий Октябрь и укрепление единства советского общества», «Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма», «Расцвет и сближение наций в СССР» и др. Подобную научную литературу можно было не читать, ибо выводы авторов декларировались уже в заголовках. Руководящий «казах» на лакировку действительности выполнялся практически безукоснительно историками, социологами, этнографами. Следует, однако, понимать, что в условиях отсутствия доступа к подлинным архивным материалам и жесткой идеологической цензуры партийных органов редко кто из ученых, занимавшихся изучением социальной структуры, мог позволить себе правдивое следование подлинным фактам. О глубине обобщений и выводов говорить не приходится. В самом деле, если в капитальном исследовании современной истории рабочего класса СССР авторы при решении дискуссионного вопроса о границах класса прибегают не к научным аргументам, а к ссылке на авторитетное мнение очередного съезда КПСС, о какой научной объективности может идти речь? ¹.

В рецензируемой монографии впервые в современном кавказоведении наиболее полно используются обширные социологические данные государственной статистики (главным образом переписи населения) и социологических исследований о социальной структуре одной из многонациональных республик нашей страны, ранее скрытые от глаз специалистов. Чрезвычайно важно широкое использование до последнего времени не публиковавшихся материалов всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг., а также других материалов Госкомстата СССР и Управления по статистике

СО АССР. Введены в научный оборот результаты этносоциологических исследований Института этнологии и антропологии АН СССР, Института социологии АН СССР и Северо-Осетинского НИИ истории, филологии и экономики.

Если вспомнить, что в 1981 г. в Северной Осетии резко повысилась социальная и национальная напряженность, причины которой до сих пор сохраняются (1991 г. — новый виток осетино-ингушского конфликта), станет очевидной необходимость на базе проверенных фактов давать беспристрастную оценку общественно-политической ситуации. Нельзя сказать, что современное социологическое кавказоведение вообще не касалось насущных проблем времени. Ряд небольших по объему работ, выполненных разными авторами², позволяет говорить о существовании редкой цепи, соединившей исследователей нашего времени с богатейшей традицией дореволюционной этнологии и социальной антропологии Кавказа.

В работах предшественников А. Б. Дзadzиева, включая и наиболее фундаментальное исследование А. Т. Карданова³, практически нет материалов, свидетельствующих о национальном составе различных общественных слоев. Автор рассматриваемой монографии поставил задачу изучения социальной структуры «в диалектической связи со структурой национальной, этнической» (с. 4). В условиях кризиса государственной национальной политики такой подход представляется правомерным и, более того, единственно возможным. Несмотря на многие общие черты общественного развития, социальный состав национально-государственных образований значительно различается динамикой изменения отношения классов, социальных слоев и групп.

Несомненно, интересны приведенные автором данные о связи низкого по сравнению с другими регионами Северного Кавказа естественного прироста населения Северной Осетии в 1959—1979 гг. с меньшими темпами роста рабочего класса относительно соседей. Если рост населения Северной Осетии составил за 20 лет 31%, то численность рабочих выросла лишь менее, чем в 2 раза по сравнению с 2,7 раза в Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестане (правда, и естественный прирост населения этих республик был выше). Вывод автора о неординарных темпах экономического развития республик Северного Кавказа требует, конечно, специального анализа.

Демографические показатели, приведенные в книге А. Б. Дзadzиева, свидетельствуют о различных темпах естественного прироста отдельных народов Северной Осетии. Особенно значительным был прирост численности ингушей — почти в 4 раза, кумыков — в 2 раза, грузин — в 0,4 раза. В то же время численность населения коренной национальности — осетин увеличилась на 39%, а русских — на 12% (с. 8, 9). Описанные процессы к началу 1980-х годов изменили этническую карту республики. С одной стороны, выросли численность и удельный вес осетин, с другой — увеличился удельный вес некоренного населения, а в течение 1970-х годов уменьшился удельный вес русских. По-видимому, именно неконтролируемое развитие этих и подобных сдвигов демографической ситуации повлекло за собой обострение социальной и национальной обстановки в республике. Любопытны данные о национальном составе основных классов и социальных слоев населения. Автор отмечает увеличение удельного веса осетин среди рабочих и служащих и уменьшение удельного веса представителей русских среди служащих. Значительно выросла доля служащих у ингушей и кумыков. На фоне роста представителей коренной национальности среди рабочих и интеллигенции значительно сократилась доля осетин в составе колхозников.

Рассмотрев указанные выше материалы в первой главе «Социально-этническая структура Северной Осетии», А. Б. Дзadzиев далее анализирует динамику численности и национально-профессионального состава городского и сельского населения республики. Во второй и третьей главах анализируется одна из ключевых проблем — внутриреспубликанская миграция населения по единственному, пожалуй, традиционному для нашей страны маршруту «село — город». Именно поэтому трудовые ресурсы, в том числе и в Северной Осетии, используются нерационально. Кроме того, начиная с 1970-х годов города республики страдают от избытка мало- и неквалифицированной рабочей силы. В качестве одного из следствий указывается на то, что доля осетин в составе индустриальных отрядов городских рабочих уменьшается, несмотря на значительный рост удельного веса осетин в численности городского населения (с. 8, 9).

Правомерен, на наш взгляд, вывод автора о том, что в последние годы появилась определенная ориентация коренной национальности на работу в непроеизводственной сфере. Надо сказать, что это непростой вопрос не только для региона, послужившего объектом исследования⁴. Следует отметить, что Северная Осетия — единственная республика на Кавказе, в которой с 1959 по 1979 г. произошло сокращение численности сельского населения, причем достаточно значительное. Эта тенденция продолжалась и в последнее десятилетие⁵, что не может не привести к сокращению

трудовых ресурсов на селе. Что касается национального состава сельского населения, то и здесь подмечены интересные тенденции. Исследуемый период характеризуется не только значительным ростом удельного веса рабочих у всех национальностей в занятом сельском населении республики, но и выравниванием данного показателя. В то же время среди представителей этих национальностей уменьшилась численность колхозников и сократился их удельный вес в общей численности занятого сельского населения республики. Динамика социальной структуры занятого сельского населения Северной Осетии характеризуется также увеличением численности и удельного веса служащих. В то же время в общесоюзном масштабе удельный вес крестьянства увеличился, а доля служащих также увеличилась, но несколько меньше, чем в Северной Осетии.

Основной вывод автора книги заключается в тезисах о выравнивании социальной структуры всех народов Северной Осетии и сближении структуры городского и сельского населения. В то же время, как он считает, сохраняются существенные различия в величинах отдельных элементов социальной структуры рассматриваемых национальностей.

Отметим некоторые недостатки рецензируемой книги: схематичность изложения, краткость выводов, отсутствие развернутого заключения. Кроме того, в некоторых случаях автор прибегает к излишней и уже явно устаревшей идеологизации. К примеру, на одной из страниц своего труда он пишет: «Динамика образовательного уровня рабочих республики, как и других общественных групп ... свидетельствует ... о закономерном процессе сближения их по образовательному уровню, что в конечном итоге является одним из факторов создания социально однородного общества» (с. 33). Очевидно, что эта фраза может быть понята достаточно односторонне, ибо, по нашему глубокому убеждению, формальный рост образовательного уровня какого бы то ни было класса в условиях действительности 1970-х годов говорит лишь об абсолютизации пресловутого принципа всеобщего обязательного среднего образования. Вопрос же о создании социально однородного общества в нашей стране временно перестал волновать умы и сердца даже тех, кто его в свое время поставил.

Опубликованные в виде приложения к работе таблицы даны без пояснений, что, несомненно, затруднит обращение к ним читателей-неспециалистов. Есть замечания и более частного порядка. Так, объясняя причины механического прироста населения Северной Осетии в 1959—1970 гг., автор ничего не говорит о массовом завозе рабочей силы на вновь созданные предприятия электронной и электротехнической промышленности, ограничиваясь лишь констатацией факта создания новых производств⁶.

Создание электроники и электротехники, которые должны полностью работать на привозном сырье, вряд ли было оправданным. Это же относится к происходившему расширению предприятий цветной металлургии, сырьевая база которых была почти полностью исчерпана. Если привести ряд опубликованных недавно ограниченным тиражом данных о незначительном за последние 10 лет естественном приросте населения Северной Осетии, к тому же и минимальном на Северном Кавказе, и о тяжелом положении с размещением населения (Северная Осетия прочно занимает первое место среди российских автономий по показателю плотности населения⁷), станет, очевидно, ясной негативная роль неконтролируемого общественностью промышленного роста для социального и межнационального развития. И в этом случае, как подчеркивает автор книги, исследование общественных отношений должно предшествовать планированию нового промышленного строительства. Не случайно он рекомендует свою работу «партийным и государственным органам для более внимательного учета» при планировании любых мероприятий в сфере экономики.

Можно считать, что издание рецензируемой книги — один из первых серьезных шагов по изучению социальной структуры национально-государственных образований Северного Кавказа. Сейчас нередко говорят об ошибках в формировании и развитии экономической и социальной сфер так называемых «бывших национальных окраин», зачастую вызывающих недовольство определенной части населения. Конечно, установки «центра нередко осуществлялись за счет использования промышленных кадров некоренных национальностей»⁸. В результате возникала основа для будущих конфликтов, связанных, как правило, с несовершенством в сфере распределения. Однако необходимо заявить, что промышленный потенциал национальных республик нашей страны в главных чертах сформировался и его в определенном смысле следует считать исторической данностью. Все это не означает его неизменности, но как органы власти, так и формирующиеся альтернативные структуры народных фронтов и иных национальных движений должны чрезвычайно осторожно и внимательно относиться к тем, чья жизнь и деятельность оказались связанными с нынешней

территорией их проживания. И в этой ситуации трезвый, основанный на фактах голос ученого, прозвучал. Теперь важно, чтобы он был услышан.

А. Ч. Касаев

Примечания:

¹ История советского рабочего класса. Т. 5. М., 1988. С. 98.

² См., например: *Асхаков С. И.* Изменения в структуре рабочего класса в Северо-Кавказском регионе на этапе развитого социализма // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Сер. обществ. наук. Ростов н/Д, 1983. № 8; *Османов А. И.* Изменения в социальной структуре населения Дагестана на этапе развитого социализма // Вопр. истории. 1984. № 7; Проблемы перестройки: социальный аспект. М., 1989, и др.

³ *Карданов А. Т.* Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938—1980). Нальчик, 1984.

⁴ См., например, *Брусина О. И.* Многонациональные села Узбекистана и Казахстана осенью 1984 г. // Сов. этнография. 1990. № 3.

⁵ Статистические материалы об экономическом, социальном развитии союзных и автономных республик, автономных областей и округов. Госкомстат СССР. М., 1989. С. 19.

⁶ Центр. гос. архив народного хозяйства СССР. Ф. 430. Оп. 1. Ед. хр. 201, 355, 627, 763 и др.

⁷ Статистические материалы. С. 19—21.

⁸ *Козлов В. И.* Национальный вопрос: парадигмы, теория и политика // История СССР. 1990. № 1. С. 11.

© 1991 г., СЭ, № 5

Русский фольклор: Библиографический указатель. 1881—1980 / Сост. Т. Г. Иванова. Под ред. А. А. Горелова и Н. П. Копаневой. Л., 1990. 500 с.

В библиографической серии «Русский фольклор», издаваемой совместно Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР и Библиотекой АН СССР, вышел очередной том, вошедший в печатную продукцию последнего десятилетия XIX в. Данный 7-й выпуск является своего рода юбилейным: его публикацией завершён показ разнообразной отечественной литературы на русском языке с 1881 по 1980 г., т. е. дано библиографическое освещение истории нашей фольклористики за 100 лет¹. Это уже второй том, изданный Т. Г. Ивановой в этой серии.

Книга открывается вступительной статьёй Т. Г. Ивановой «Литература по русскому фольклору за 1881—1900 гг.» (с. 9—24), в которой раскрываются исторические особенности эпохи, когда народ и его судьба превратились в одну из наиболее острых проблем российской интеллигенции. Автор характеризует учтенные материалы (справочник содержит 5134 номера), объясняет интенсивное накопление текстового богатства (47% объема), однако почти лишенного «открытий» по сравнению с эпохой 50—60-х годов XIX в. Исключение составляют собрание устно-поэтических записей Смоленщины В. Н. Добровольского, «Сказки и предания Самарского края» Д. Н. Садовникова, сборник Вологодского фольклора Н. А. Иваницкого.

В обзоре рассмотрены основные организационные формы, в рамках которых развивалась русская фольклористика конца прошлого столетия: Императорская Академия наук и университеты с работавшими при них научными обществами; система научных обществ, не связанных с высшими учебными заведениями; губернские статистические комитеты, архивные комиссии и другие местные объединения; краеведческое народознание (особо отмечена роль политических ссыльных в изучении устной словесности сибиряков).

Теоретическое состояние фольклористики показано Т. Г. Ивановой в аспекте «научных направлений и жанровых пристрастий», прежде всего на примере анализа песенного эпоса во всем его многообразии, а затем и других фольклорных жанров, включая частушку, оформившуюся к концу XIX в. в новый самостоятельный поэтический вид и бытовавшую повсеместно.

Библиографический массив рецензируемого тома скомпонован в основном по схеме, сложившейся в предыдущих выпусках. Он делится на четыре крупные части с последующей рубрикацией по жанрово-тематическому принципу: тексты и материалы; исследования, статьи, заметки; учебная и методическая литература; библиографические обзоры, фольклор в лубочной литературе. Последний раздел присутствует в серии впервые. Подготовленная Н. И. Рудаковой на основании просмотра *de visu* фондов Сектора народного творчества Пушкинского Дома, генеральных каталогов Библио-